

вался вѣренъ себѣ, былъ вполне искрененъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, казалось, онъ «измѣнялъ» себѣ и своимъ убѣжденіямъ, кривить душою (его «Исповѣдь», отношенія съ Муравьевымъ-Амурскимъ). Во-вторыхъ, это — попытка «свести» все содержаніе личности Бакунина къ таящейся въ сферѣ подсознательнаго изначально общей основѣ. Эта попытка можетъ быть убѣдительно только для того, кто раздѣляетъ методологическія соображенія, заставляющія автора постулировать вѣру въ мнѣ, ибо въ опытѣ «комплексъ» намъ не даны. Рамки рецензіи не позволяютъ мнѣ распространяться насчетъ моихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Ограничусь однимъ соображеніемъ. Бакунинское влеченіе къ учительству, къ проповѣдничеству, сочетанное съ нетерпимостью къ слушникамъ, максимализмъ его исканій, стихійная мощь его эгоцентризма, его «диалектическій» душевный складъ, отразившійся на его жизни столько же, сколько на его мысли, — все это черты общія у него съ людьми, съ чьими именами связывается у насъ по преимуществу представленіе о его времена какъ культурномъ моментѣ — Рихарда Вагнера, Маркса, Ницше; времени титановъ, «сверхчеловѣковъ», «человѣкобоговъ», богоборцевъ, основателей новыхъ религій. Что же — всѣ они были поражены одной и тою же душевною травмою? И если пораженность его — дѣйствительно, согласно теоріи Фрейда, болѣе или менѣе общечеловѣческое свойство, то все-же остается еще объяснить, почему въ опредѣленный историческій моментъ «вытѣсненіе» соответствующаго комплекса и его «сублимацій» обусловили собою то, что вовсе не является общей чертою всѣхъ выдающихся людей всѣхъ временъ, — влеченіе къ «бунту». Подзаголовокъ книги кроетъ въ себѣ цѣлую новую проблему — психологию титанической культуры середины XIX в. Желательно, чтобы авторъ книги, свидѣтельствующей о его даровитости какъ психолога, продолжилъ свою работу въ этомъ само собою намѣчающемся направленіи, — а это значитъ: отъ абстрактно-психологическаго изслѣдованія перешелъ бы къ конкретному. Напомнимъ, что Зомбартъ въ «Der Proletarische Sozialismus» тоже ставитъ бунтарство Бакунина въ связь съ его неладами съ родителями; но только отсюда онъ не пускается въ изслѣдованіе сферы подсознательнаго, а просто вводитъ Бакунина въ рядъ другихъ неудачниковъ, «деклассированныхъ», ущемленныхъ жизнью людей преобладаніе которыхъ въ серединѣ XIX в. было обусловлено соціальною структурою этого періода. Методологически цѣльно здѣсь общее положеніе: конкретная психологія должна быть одновременно и индивидуальной и соціальной.

П. Бицилли.

Д. Мережковский. Иисусъ Неизвѣстный. Т. I и II. Бѣлградъ. Русская бібліотека. 367+XXVII стр., 312+XII стр.

Главное достоинство книги Мережковского въ абсолютной оригинальности его метода: это не «литература» (литература о Христѣ — невыносима), не догматическое богословіе (никому кромѣ богослововъ непонятное); это и не религіозно-философское разсужденіе:

— вѣтъ, это интуитивное постиженіе скрытаго смысла, разгадываніе таинственнаго «Символа» вѣры, чтеніе метафизическаго шифра, разгадываніе евангельскихъ притчъ, каковыми въ концѣ концовъ являются всѣ слова и дѣянія Христа. «Имѣяя уши да слышать» — такъ оканчивается Христосъ свои поученія. Это обращеніе къ духовному слуху, который слышитъ потустороннее въ посюстороннемъ словѣ. Авторъ обладаетъ этимъ духовнымъ слухомъ и показываетъ читателю: слушай! развѣ ты этого не слышишь? Правда, у него не «абсолютный слухъ», есть какъ-будто и ошибки, не все абсолютно убедительно, но онъ заставляетъ вслушиваться, иногда даже заслушиваться, постоянно чувствуя потустороннее звучаніе. Очень рѣдко читатель отклоняется и не пріемлетъ, очень рѣдко авторъ съѣзжаетъ на беллетристику и выдумываетъ. Въ этой книгѣ онъ совершенно переросъ свою собственную литературу и рѣдко возвращается къ своимъ пріемамъ и шаблонамъ. Порою онъ достигаетъ настоящаго величія, когда остается вѣрнѣе своему методу.

Вся книга есть въ сущности медитация надъ евангельскимъ текстомъ: что звучитъ въ этомъ словѣ? Что сокрыто въ этой грандіозной Притчѣ исторій? Притчи, по слову автора, — это астрономическія параболы, уходящія въ безконечность. Жизнь Христа не рассказывается, она и не можетъ быть иначе рассказана, нежели это сдѣлано въ Евангеліяхъ. Но сопоставляются тексты, апокрифы и аграфы, и преданія отцевъ — они даются и показываются такъ оригинально, какъ по новому, что ощущаешь удивленіе заново, какъ-бы впервые читаешь знакомыя слова, иное слышишь за ними, многому изумляешься. Изумляетъ, конечно, само Евангеліе; но авторъ умѣетъ показать, что изумительно. Здѣсь лежитъ для насъ критерій цѣнности. Начало истинной философіи и мистики есть изумленіе. Потеря изумленія есть основное горе ума: неспособность выйти изъ себя, «изъ ума», изъ привычнаго, извѣстнаго, установленнаго, изъ позитивизма. Существуетъ позитивизмъ церковный, позитивизмъ богословскій, какъ и позитивизмъ безбожный, натуралистическій. Тому и другому нашъ авторъ сознательно противопоставляетъ ихъ способностью изумленія, потустороннимъ слухомъ, чувствомъ парадоксальности и неслыханности того, что возвышаетъ Евангеліе.

Трудно дать почувствовать «неслыханность» тѣхъ словъ, которыя намъ прожужжали уши, и тѣмъ громче и чаще возглашаетъ дьяконъ, тѣмъ труднѣе услышать. «Горе наше въ томъ, что за двѣ тысячи лѣтъ мы такъ привыкли къ словамъ Его... что оглохли, ослѣпли къ нимъ окончателно... Но если-бы мы могли чуть-чуть отвыкнуть отъ нихъ... то мы удивились-бы, ужаснулись, поняли-бы вдругъ, что это самыя невозможныя для насъ... самыя нечеловѣческія изъ всѣхъ человѣческихъ словъ». «Снять съ Евангелія пыль вѣковъ — привычку; сдѣлать его новымъ, какъ-будто вчера написаннымъ», раскрыть «дерзкое Евангеліе, закованное въ пурпуръ, золото и драгоценныя камни» — вотъ методъ и задача книги, и авторъ здѣсь многого достигаетъ. Розановъ какъ-то сказалъ: несчастіе христіанства въ

томъ, что оно стало риторическимъ. И можно добавить, что самый убийственный риторика — это проповѣдь общезвѣстныхъ догмъ, или моральныхъ истинъ любви къ ближнему. Das ganz Andere, Mystrium tremendum (Рудольфъ Отто) — всегда присутствуетъ у Мережковского. Въ этомъ смыслѣ опредѣляющимъ является его замѣчательное заглавіе: «Исусъ Неизвѣстный». Это значитъ Исусъ, котораго міръ не позналъ, не узналъ, не понялъ, не оцѣнилъ, не разгадалъ. Весь методъ книги, методъ интуитивнаго разгадыванія чудснаго, методъ изумленія — могли-бы мы сказать — опредѣляется этимъ заглавіемъ. Оно направлено противъ всѣхъ тѣхъ, кто думаетъ: намъ-то Онъ хорошо извѣстенъ, противъ тѣхъ, кто взялъ ключъ разумѣнія — догматическаго, историческаго, критическаго.

Мережковский совсѣмъ не философъ и не богословъ, и главное не хочетъ этимъ быть, хотя онъ и образованъ и начитанъ философски и богословски. Онъ не хочетъ быть и «литераторомъ» въ этой книгѣ. Кѣмъ-же онъ хочетъ быть? Да просто ученикомъ Христа, и притомъ любимымъ ученикомъ, которому доверены особая тайна. Надо признать, что это право каждаго христіанина. Въ немъ нѣтъ никакого чрезмѣрнаго притязанія, наоборотъ, оно соответствуетъ общанію Христа: «И явлюсь ему Самъ». Возможность и цѣнность глубоко-личной интуиціи любви у того, кто всю жизнь всматриваясь въ Ликъ Христа, никто не дерзнетъ отрицать, она подкрѣпляется словами Оригена: разнымъ людямъ являетъ себя Исусъ по разному — каждому является въ томъ образѣ, какого достоинъ каждый. Христомъ допущена и указана молитва уединенно-личная и, съ другой стороны, соборно-литургическая — точно такъ же допустимо постиженіе тайны Богочеловѣка посредствомъ личной интуиціи и посредствомъ соборной мысли и чувства. Но въ своей личной интуиціи Мережковский никогда не остается изолированнымъ, самодостаточнымъ, напротивъ, онъ привлекаетъ богатый матеріалъ другихъ произрѣній, ему близкихъ и родственныхъ. Этотъ матеріалъ, нужно признать, собранъ и сопоставленъ замѣчательно. Вниманіе читателя приковано и зачаровано.

Философы и богословы не должны обольщаться: никогда они не получаютъ того доступа къ сердцамъ, который открывается на этомъ пути. Они всегда въ сущности понятны (въ лучшемъ случаѣ!) только философамъ и богословамъ. Мережковский же обращается ко всѣмъ, кто обладаетъ духовнымъ олухомъ, кто можетъ изумляться таинственному, кто способенъ переживать трагизмъ. По нашему времени и это не такая большая аудиторія! Но вотъ что замѣчательно: философъ и богословъ, если только онъ не «книжникъ и фарисей», найдеть для себя въ этой книгѣ много цѣннаго. Правдивость и подлинность нѣкоторыхъ интуицій, идущихъ изъ сокровенной глубины сердца, не можетъ не поражать. Вотъ самый яркій примѣръ. Нужно дать постигнуть и пережить смыслъ главнаго и центрального символа христіанства, символа Царства Божія. Какъ это дѣлаетъ авторъ? Онъ показываетъ «первыя точки Царства Божія, которая теплятся уже и сейчасъ, какъ первыя звѣзды въ ночи», эти точки видимы ино-

гда в жизни, как отблески рая, как исполнение надежд: «радость зѣчнаго свиданія любящихъ», возвращеніе потеряннаго рая, потерянной родины, избавленіе отъ постыдной тираніи челоѣкообразныхъ — «вотъ уже всѣмъ людямъ понятное, простѣйшее начало Царства Божія». Три замѣчательныхъ страницы (II. 104-III) въ рядѣ образовъ сразу даютъ почувствовать, о чемъ идетъ рѣчь: тема Царства Божія сразу воспринимается «музыкальнымъ слухомъ сердца». Мы, философы, выражаемъ это по своему, примѣрно такъ: христианство есть религія абсолютно желаннаго, Царство Божіе есть исполненіе всѣхъ истонныхъ, «завѣтныхъ», существенныхъ, абсолютныхъ желаній челоѣка. Давъ адекватные образы, очевидныя «точки» абсолютно-желаннаго, авторъ показалъ звѣзды царствія во мракѣ ночи. (По странному закону творчества, каждое подлинное достиженіе сразу изобличаетъ все неподлинное; такъ и здѣсь, стихотвореніе на стр. 111 сразу снижаетъ предыдущее: послѣ словъ Апокалипсиса, сентиментальныя «одуванчики» недопустимы).

Очень хорошо истолкованіе чудесъ: чудо экстаза, превращающее воду въ вино; чудо любви и духа, насыщающее пятью хлѣбми (обратное чудо дьявола — умаленіе хлѣбовъ! это чудо ненависти и материализма); чудо воскресенія, чудо возстанія противъ смерти, дающее прорывъ въ иной міръ. Интересна мысль понять чудеса такъ, чтобы они не превращались въ утилитарную магію, чтобы они не были похожи на то чудо, которое было отвергнуто, какъ искушеніе отъ дьявола. Цѣнно указаніе на то, что Христосъ бѣжалъ отъ чудесъ и переживалъ муку чудесъ. Мы могли-бы истолковать ее, какъ отращаніе корыстнаго пользованія чудотворцемъ.

Заслуживаетъ быть отиѣченнымъ прекрасное, научно ориентированное и для всѣхъ убѣдительное опроверженіе всяческихъ сомнѣній въ исторической реальности Христа. Очень хороши образы апостоловъ, особенно Петра и Иуды. Вѣрна характеристика Евангелія отъ Юанна («полуисторія — полужистерія»). Невозможно передать всю массу интересныхъ цитатъ (напр., парадоксъ Вельгаузена: «Иисусъ не былъ христианиномъ, онъ былъ иудеемъ») и удачныхъ образовъ (напр., «чувствуютъ, что пахнетъ отъ Него міромъ нездѣшнымъ, какъ морозомъ отъ челоѣка, вошедшаго снаружи»). Слабѣе истолкованіе «искушенія въ пустынѣ», послѣ Достоевскаго оно ничего не даетъ. И уже совершенно неприемлемъ для нашего слуха сочиненный авторомъ «Апокрифъ объ Искушеніи»: это чистѣйшая «литература», и притомъ такая, которая не можетъ стоять рядомъ съ Достоевскимъ и его «дописывать». Своимъ импрессионально-романтическимъ стилемъ она совершенно выпадаетъ изъ общаго строгаго библейскаго стиля книги. Мы не приписываемъ себѣ «абсолютнаго слуха», но для того, чтобы слышать фальшь, какъ извѣстно, и не надо обладать абсолютнымъ слухомъ. Авторъ самъ виноватъ въ томъ, что далъ намъ образцы подлинной гармоніи, и мы ими пользуемся, какъ камертономъ.

Недостаточной кажется намъ и медитация о «богооставленности», но это уже относится къ тайнѣ голгоѣвской трагедіи и составляетъ те-

му слѣдующаго тома. Автору предстоитъ еще великая задача достойнаго завершения своего труда. Кого Христосъ позоветъ, тотъ долженъ держатъ и идти до конца. Пожелаемъ ему превзойти все, имъ доселѣ достигнутое, и это не легко сдѣлать.

Б. Выдеславцевъ.

Прот. С. Булгаковъ. Агнецъ Божій. О Богочеловѣчествѣ. Ч. I. Стр. 468. Парижъ. YMCA-Press, 1933.

Новую книгу прот. С. Булгакова надо признать не только самымъ зрѣлымъ, но и самымъ выдающимся изъ всего того, что онъ писалъ въ послѣдніе годы. Основные идеи софіологіи получаютъ въ новой книгѣ такое законченное и ясное выраженіе, какого они не имѣли до сихъ поръ: софіологія выступаетъ здѣсь, какъ система. Отсюда не только богословская, но и философская цѣнность книги. Главное, что слѣдуетъ отмѣтить въ послѣднемъ отношеніи, есть опытъ построения метафизики въ свѣтѣ софіологіи. Для автора философская сторона имѣетъ побочное и вторичное значеніе, — вся діалектика идей опредѣляется въ книгѣ ея богословской темой, во это нисколько не ослабляетъ философской цѣнности развитыхъ въ книгѣ построеній.

Софіологія, поскольку въ ней идетъ дѣло о мірѣ, есть, конечно, платонизмъ: основной мотивъ софіологіи заключается въ признаніи идеальной основы міра. Но отъ классическаго платонизма софіологія, какъ она развивается въ философіи Як. Беме и Шеллинга, а затѣмъ особенно въ русской философіи (Влад. Соловьевъ, о. П. Флоренскій, Н. О. Лосскій, С. Л. Франкъ, о. С. Булгаковъ), отличается признаніемъ конкретнаго всеединства въ этой идеальной основѣ міра. Міръ, взятый въ своей глубинѣ, въ своей творческой основѣ, есть «Софія» — конкретная, живая сущность (для иныхъ даже «Существо»), положительное всеединство бытія, идеальное по своей независимости отъ пространства и времени, творческое по своей опредѣляющей жизни міра силѣ. Отъ обычнаго натурализма, усваивающаго «природѣ» свойства вѣчности, неисчерпаемости, законмѣрности, отъ этого смѣшенія эмпирическихъ опредѣлений бытія съ чисто метафизическими его свойствами софіологія чрезвычайно выгодно отличается яснымъ различіемъ (но не раздвиганіемъ) эмпирической и метафизической стороны въ мірѣ. За вѣнней оболочкой раздѣльныхъ явленій, за вѣмъ ихъ разнообразіемъ и множественностью живетъ и творчески дѣйствуетъ идеальная основа міра — его «субстанція», его «душа» — единая и цѣлостная. Софіологическая гипотеза важна не только для натурфилософіи и эстетики, она еще болѣе важна для гносеологіи, поскольку въ новѣйшей софіологіи тварная Софія есть прежде всего челоѣчество въ его единствѣ.

О. С. Булгаковъ, строя свою богословскую систему, въ обсужденіе которой я здѣсь не вхожу, развиваетъ чрезвычайно интересную систему софіологической метафизики въ духѣ монизма. Тварная Софія, какъ идеальная основа міра, для него не отлична отъ Софіи Божественной. При такомъ построеніи, чрезвычайно выгодномъ бого-